

ИСТОРИЯ АННЫ ГУЛЯЕВОЙ

Гуляева Анна Ефимовна

***Видеть человека в больном, сострадать ему
и лечить, лечить, лечить...***

До войны я училась в фельдшерско-акушерской школе в Боровичах. Шёл экзамен за 40-й год. Готовилась к экзамену, загорала. Прибежал знакомый: «Война началась!» Экзамен сдала, и молодёжь направили рыть противотанковые рвы у деревни Кураково. Жили в шалашах — по одну сторону спали девушки, по другую парни. Когда звучала тревога и появлялись немецкие самолёты, бежали в лес и там играли в карты до отбоя. Окопы рыли почти руками, мальчишки вывозили

землю на тачках. В один день на площадке услышали вой вражеских самолетов. Они летели так низко, что их не могли засечь радары. Мы видели лица лётчиков, а те наши. Все бросились врассыпную, но нас не обстреливали. Лётчики направлялись бомбить аэродром. Нас распустили по домам и я продолжала учёбу, а практику проходила в госпитале №2019. Я понимала, что в отделении хирургии буду нужнее всего, привлекала операционная и перевязочная. Часто оставалась в госпитале ночью, изучала инструменты. 18 июня 1942 года сдала последний экзамен и получила направление в Тихвин. С собой должна была взять ложку, кружку и бельё. Моя подружка знала начальника госпиталя №2069 и попросила его взять нас двоих на работу. Военкомат не возражал. Я пришла в госпиталь на каблу-

Всё одолеть и пережить

ках, весила сорок килограмм, и меня назначили старшей по смене. Госпиталь располагался в здании Дома Культуры комбината огнеупоров, считался головным. Оттуда раненых направляли по другим госпиталям по специализации. Вскоре я перешла в другой госпиталь в здание Горно-керамического техникума во второе хирургическое отделение, куда поступали раненые с тазобедренными и суставными ранениями. Моей сменщицей была опытная в возрасте медсестра Ванда Великисовна.

Во время первого знакомства я зашла в палату офицеров, представилась, поздоровалась. Всем понравилась — молодая, умелая, ловкая. Запомнился один офицер без ноги. В медсанбате, чтобы не кричал от боли, ему давали наркотики. В госпитале он требовал уколы наркотиков. Я понимала, что от них его надо отучать, да и не имела права делать такие уколы и ввела ему обычный физраствор. Он понял, стал крыть матом. Я заплакала, но наркотик делать всё равно отказалась. Офицеры стали его воспитывать, а я перестала к нему подходить. Через трое суток он подозвал меня: «Сестричка, дорогая, поправь, повязка спустилась, а когда я подошла, тихо

сказал: «Я дам тебе португую, только дай наркотик». Но никакого укола не получил. И всё же я отучила его от такой привычки.

Приходилось самой отпиливать руки и ноги хирургической пилой. Пилила, а слёзы текли из-под повязки. Раненые поступали круглосуточно. Заведующая отделением Клавдия Ивановна ушла в декретный отпуск, а я осталась только с подругой и санитаркой пятнадцати лет.

Началась операция. Я с врачом-анестезиологом, подружкой и санитаркой у операционного стола. Хирург Сергей Аркадьевич Эпштейн — доцент Первого медицинского института из Ленинграда оперирует раненого. Как только операция не идёт, нервничает, бросает инструменты, кричит на всех — то ему врач рыжая, требует, чтобы убиралась вон, то скальпель неточеный. Санитарка забирает скальпель, обтирает спиртом и подаёт ему как точеный. На столе умирает раненый. Я ввожу в вену укол — сердце заработало. Раненый спасён. Девчонки плачут, а он извиняется, говорит нам: «Такой у меня характер», на что санитарка ему в ответ: «За что ты нас ругаешь? Ты скальпель бросил, а я тебе тот же неточеный подала». Ему нас жалко. А мне сказал: «Ты умница».

После освобождения Новгорода выдали военную форму, присвоили звание старшины. Госпиталь пошёл за фронтом. На станции Дно эшелон попал под бомбёжку, тут же железнодорожная станция, неподалёку электростанция. Рядом скопились цистерны с бензином. Бомба, казалось, летевшая прямо в вагон, к счастью, упала в воронку с водой и не взорвалась. Всё горело, полыхало огнём. Бежать было некуда. Я лежала на верхней полке. На нижней полке медсестра стала собирать свои вещи. Налёт закончился, молодёжь узнала, что в местном клубе танцы, и все пошли туда.

Под Псковом и Лугой шли ожесточённые бои, госпиталь пришлось разворачивать на даче Берёзка. С Ленинградского фронта дали 300 машин с ранеными и умершими по дороге. Разгружали, размещали в сараях, оказывали помощь. Оперировали, умерших хоронили. После освобождения Пскова госпиталь разместился в холодном здании. Пришлось самим оборудовать операционную, перевязочную, ставить печку, рубить заборы на дрова. Из операци-

онной не выходили по трое суток и чтобы не свалиться с ног, пили из ампул кофеин. Много приходилось делать переливаний крови. Совместимость проверяли так: на блюдце смешивали донорскую кровь с кровью раненых и если состав не свёртывался, то можно было вливать. В четыре утра заканчивалась работа, а нужно было тут же готовить материал. Садилась, резали марлю на салфетки так чтобы не было ниток, из них готовили тысячу шариков для тампонов. Бинтов не хватало, их стирали и дезинфицировали. На сон времени почти не было. В семь утра нужно было вставать. Только засыпала — будили, звали в операционную: у солдата из-под гипса кровотечение, нужно было снимать гипс. Однажды позвали, я соскочила с кровати и в трусиках и лифчике пошла в операционную. Солдат на посту окликнул: «Аня, что с тобой?»

Мы были молодые. Молодые были солдаты и офицеры. Конечно, влюблялись, писали письма с объяснениями в нежных чувствах. Но мы были серьёзными, а санитарка говорила: «Пишите, пишите, будет чем печку растапливать». Часто приходилось в общежитие возвращаться ночью. У офицеров под матрацами была одежда, они переодевались и ходили нас встречать. Как-то мы с гипсотехником Дашей Черновой шли ночью, увидев офицеров, убежали и с разбегу свалились в глубокий ров. Офицеры нас поискали и ушли. А как выбраться не знаем, только заберёмся наверх и кубарем летим вниз. Хохочем как от кавалеров убежали. И всё же один молодой паренёк в форме лейтенанта подкараулил меня, попросил разрешения проводить в общежитие и всё. Он был из Сибири. Потом уехал на фронт, писал письма. Я ему отвечала. Его убили.

Из Пскова госпиталь должен был ехать дальше. Имущество погрузили в вагоны, а нас поставили в караул. Я умела стрелять из многих видов оружия, и мне достался пост у самой железнодорожной ветки. Здесь и произошел со мной курьёзный случай. Зимней вьюжной ночью я увидела человека, идущего к составу, закричала: «Стой, кто идёт?!» Он не отвечал, шёл прямо на меня. Я выстрелила вверх. Человек лёг на землю. На выстрел подошёл разводящий. Я доложила, а в это время человек поднялся, оказалось, это был начальник госпиталя Попов. Потом я уже стояла на посту в помеще-

нии госпиталя, задремала с ружьём в руках. К счастью, мимо проходил повар, нёс бак. Увидев меня спавшей, бросил бак об пол. От шума я вскочила и оказалось вовремя. За поваром шёл разводящий. Заснуть на посту — этого делать было категорически нельзя. Всё обошлось.

Поезд шёл в Прибалтику. В Вильнюсе состав остановился, и я с подругой Машей пошла опускать письма, а в это время поезд тронулся с места. Догонять пришлось с помощью местного мальчишки, он довёз нас к составу на санках. Рядом стоял эшелон с военными. И мы оказались между двумя составами. Перед нами была открытая площадка-платформа. На ней стояла машина «козёл». Из машины вышел подполковник, разговорился: «Здрате, девушки. Ха-ха. Куда едете?» Ответили: «Туда же, куда и вы». Подполковник пошептался с солдатом, тот соскочил на землю, подхватил меня на руки и поставил на платформу. А Машку не взял. Подполковник сказал: «Ну раз нам с вами по пути, поедете со мной» — «Нет, думаю, меня ты голыми руками не возьмёшь, как состав двинется, спрыгну». С госпитального поезда раненые заметили, закричали: «Нашу Анечку украли!» Начальник поезда послал за мной на выручку солдат. Тут я и расплакалась.

В Вильнюсе шли бои, развернули госпиталь. Литовцы устраивали провокации. Выручал военный патруль. В Польше в Белостоке снова остановились. Раненых привозили с поля боя. Не хватало перевязочных материалов. Бинты приходилось отмачивать в бензине. А где его взять? Недалеко стояли две лётные эскадрильи. Парни — красавцы, в форме. За бензином ходили в лётную часть с бутылкой, меняли на бензин. Жили на территории крематория в домиках за проволокой. Бегали на танцы в костёл. Ребята-кислородники вызывались провожать, говорили: «Старшиночка, не бойся». Потом поехали в Торн. За три года я работала в хирургии по локоть в крови и хотела отдохнуть, поработать в палатах. Однажды, когда полковник совершал обход, в палату прибежал дежурный, доложил, что на самолёте привезли крупного генерала. Нужно было срочно делать переливание крови. Полковник спросил: «Кто лучше всех умеет это делать?» Раненые подсказали что есть девушка Аня. Пол-

маршал Константин Рокоссовский. После ранения у него болела рука и Ремчинский привёл его ко мне. Несколько дней я делала массаж, физиопроцедуры, а маршал расспрашивал меня о службе, жизни, планах на будущее.

8-го мая накануне Дня Победы по дороге ехал поляк на колеснице, кричал: «Война закончилась!» Ночью за стенкой мы услышали разговор офицера с женой о победе и пошли узнавать. Встретили комсорга Васю Стулова, спросили, а тот сказал: «Посмотрите на небо».

9 мая объявили — Победа! Праздновали сутки. В клубе были накрыты столы с шампанским, целовались. А потом начальник ОБХС сказал: «Имущество надо куда-то девать» и послал солдата продавать котёл. При госпитале была очень старая лошадь. Как шутили раненые: «В обед сто лет». Солдаты поставили её на ноги, под бока подставили колья-подпорки, чтобы не упала. Лошадь висела, они стали её подкармливать, приводить в порядок, кто хвост, кто гриву причёсывал. Колья сняли, лошадь стояла. Её начистили,

ковник вызвал меня, спросил, почему не работаю в хирургии. Ответила, что работала там всю войну, устала. Я сделала генералу переливание крови, а вечером ко мне подошёл подполковник Наум Моисеевич Ремчинский и предложил перейти к нему на работу в физиотерапевтический кабинет, где он был начальником. Я согласилась, прошла полный курс обучения в шикарном кабинете на прекрасном оборудовании. Однажды в Торне проходило совещание командующих фронтами, куда прибыл

намыли и солдат повёл продавать поляку: «Пан, купи лошадь за 30 литров самогонки». Поляк посмотрел зубы. В общем, солдат уговорил. Цирк бесплатный. Самогон сразу выпили, а вечером их разыскал поляк, стал требовать обратно самогон. Оказалось, что лошадь вскоре сдохла. Солдаты ему в ответ: «Ты её обкормил».

Потом была Германия, город Дойчлиссе. Долечивали раненых. Нас предупреждали, чтобы не ходили около домов. С верхних этажей фашисты бросали на головы петли и душили. А седьмого ноября 1945 года вдоль железной дороги были положены семь убитых наших солдат.

Домой возвращались в ноябре. До границы ехали месяц. Поляки и немцы отбирали паровозы, и составы стояли по нескольку дней на разных станциях. Однажды солдаты не выдержали, прошли 20 километров до железнодорожной станции к начальнику-поляку. Наставили на него автоматы и сказали, что убьют, если не даст паровоз. Ехали в холоде и голоде, в вагоне загорелась печка.

Наконец, я добралась до Ленинграда. Народу было очень много, билетов и не достать. Ко мне подошёл солдат, ехавший до Боровичей, предложил помощь, взял мои вещи и вошёл в вагон. Меня проводник в вагон не пустил, послал в кассу за литером. В этот момент мимо проходили моряки и узнав, что меня не пускают в вагон, сняли ремни, избili проводника со словами: «Тыловая крыса, девушка едет с фронта». Подошёл офицерский патруль. Для внушения всех забрали в комендатуру, заставили мыть полы и отпустили. Поезд в Боровичи ушёл без меня. Я была в тонкой шинели и в чулках. Документы были при мне. Моряки повели меня в общежитие, завернули в одеяло. На следующий день они должны были везти в Москву архив. Утром все снова пошли на вокзал. Нужно было исправлять литер. Только касса открылась — опять всё не так. Моряки сняли ремни. Литер тут же выправили. В вагоне мне заняли место, а сами играли в карты. Москвич Женя Шмыков помог выйти в Угловке. Когда приехала в Боровичи, своего дома не узнала, света не было. Постучала, открыла сестра, меня не узнала и ушла в дом. Я подошла к столу, увидела маму, сказала: «Мама, это я, Аня, приехала». Тут поднялся рёв. Мама была верующая, зака-

зала молебен. Пришёл батюшка, красивый человек. Я его узнала, он работал в госпитале №2747. Спросила, как он поменялся с офицера на батюшку. Ответил: «Так решил, семья, время трудное, надо выживать».

После войны стала работать в госпитале №1857 в здании монастыря. По долгу службы лечила пленных немцев. Потом познакомилась с будущим мужем. Во время войны он служил в штабе маршала Гречко, чертил карты, знал расположение катюш, играл на баяне. Войну закончил в Берлине. Маршал предложил ему работу в Москве, но он вернулся домой в Боровичи, где и встретил меня. Судьба. Мы поженились, жили душа в душу долго и счастливо.

За заслуги перед Родиной Анна Ефимовна Гуляева получила множество боевых наград, офицерское звание и благодарственное письмо от Главнокомандующего Северной группы войск Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского и члена Военного Совета Северной группы войск С.С. Шатилова.

***Боровичанка-регулировщица
ТА. Артемьева (Александрова). 1945 г.***